

José
SARAMAGO
1922–2010

Жозе
САРАМАГО

Пещера

Роман

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.134.3
ББК 84(4Пор)-44
С 20

José Saramago
A CAVERNA
Copyright © 2000, José Saramago
All rights reserved

Перевод с португальского Александра Богдановского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки

Ильи Кучмы, Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-17374-3

© А. С. Богдановский, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Пилар

- Странный ты рисуешь образ и странных узников!
- Подобных нам.

Платон. Государство, книга VII

Человека за рулем зовут Сиприано Алгор, по профессии он гончар, от роду ему шестьдесят четыре года, но выглядит моложе. Рядом с ним сидит его зять по имени Марсал Гашо, ему еще нет тридцати. Однако по лицу так не скажешь. Вы уже, наверно, заметили, что у обоих к имени пристегнута фамилия, неизвестно что означающая и откуда взявшаяся. Надо полагать, оба носителя едва ли обрадовались бы, узнав, что «алгор» — это озноб, называемый обычно потрясающим и предшествующий лихорадке, а «гашо» — не что иное, как та часть бычьей шеи, на которую надевается ярмо. Младший — в полувоенной одежде, но без оружия. Старший — в цивильном пиджаке и более-менее подходящих к нему брюках, в сорочке, чинно застегнутой наглухо, доверху, но без галстука. Руки, сжимающие руль, по-крестьянски крупны и сильны, но от ежедневного контакта с глиной, что ли, или еще почему в нужную минуту они оказываются чутки и чувствительны. У Марсала — руки как руки, ничего примечательного, разве что тыльную сторону левой кисти от основания мизинца до основания большого пальца наискось пересекает шрам, оставленный, вероятно, ожогом. Машина, хоть и гружена грузом керамики, грузовиком зваться не достойна, это скорей старомодный пикап среднего размера. Двадцать кило-

метров тому назад, когда эти двое выехали из дому, небо едва начинало светлеть, а сейчас утро уже позволяет увидеть шрам Марсала Гашо, угадать чуткость рук Сиприано Алгора. Учитывая хрупкость клади и качество дорожного покрытия, он едет на небольшой скорости. Товары не первой и даже не второй необходимости — вроде керамической кустарной посуды — по графику должны доставляться часа за два-три до полудня, и на рассвете Сиприано Алгор выехал лишь потому, что Марсалу Гашо положено заступать на смену по крайней мере за полчаса до открытия Центра. В те дни, когда Сиприано зятя не везет, а везет одну лишь посуду, ему нет надобности вставать спозаранку. Но раз в десять дней он забирает Марсала, чтобы тот провел с семьей свои законные сорок часов, а потом — когда с грузом, когда порожняком — в срок возвращает его к неукоснительному исполнению служебных обязанностей в качестве и должности охранника. Дочь Сиприано, которая носит имя Марта, а фамилию Изаска по матери — уже покойной — и Алгор по отцу и лишь шесть ночей и три дня в месяц имеет возможность радоваться присутствию мужа в доме и в постели, прошлой ночью забеременела, о чем, впрочем, еще не знает.

Вокруг до того тускло и грязно, что глаза бы не смотрели. Кто-то дал этим огромным пространствам, на вид не имеющим ничего общего с сельской местностью, техническое название Аграрный, а поэтическое — Зеленый Пояс, но по обе стороны шоссе, насколько хватает глаза, хватает он лишь стоящие на многих тысячах гектаров огромные пластиковые прямоугольники, некогда выкрашенные в неброский и неопределенный цвет, который постепенно под действием времени и пыли сделался пепельно-бурым. Под плоскими крышами, спрятавшись от взглядов проезжающих по шоссе, вызревают овощи и фрукты. По второстепенным дорогам там и тут выби-

раются на магистраль грузовики и трактора с прицепами, доверху наполненными этой продукцией, но основные перевозки происходят ночью, а те, кто едет сейчас, либо запаслись специальным и исключительным разрешением осуществить доставку позднее, либо проспали и теперь пытаются нагнать. Марсал Гашо как бы невзначай поддернул левый рукав и искоса взглянул на часы: поток машин делается все плотней, а дальше, когда въедут в Промышленный Пояс, будет только хуже. Сиприано заметил этот жест, но промолчал, зять — славный малый, спору нет, но больно уж дерганый, из породы тех, кто не знает покоя еще с колыбели, вечно боится опоздать, даже когда торопиться некуда, и вообще пока не умеет обращаться со временем — но со временем, когда до моих лет доживет, может быть, научится. Проехали Аграрный Пояс, и дорога, став заметно грязней, пересекает теперь Промышленный, пронизывая скопления фабричных и заводских корпусов всякого рода, вида, размера и предназначения, круглые и цилиндрические бензохранилища, электростанции, воздухопроводы и трубопроводы, навесные мосты, красные и черные трубы разной величины, попыхивающие клубами ядовитого дыма, длиннорукие краны, химические лаборатории, нефтеперегонные установки, облака вонючего пара — то горьковатого, то сладковатого, пронзительный визг сверл, жужжание электропил, тяжкие удары гидравлических молотов и неожиданно — зоны безмолвия: никто не знает, что происходит, что производят за этими стенами. В этот миг Сиприано Алгор сказал так: Не бойся, поспеем. А я и не боюсь, ответил зять, едва скрывая беспокойство. Да уж вижу, как ты не боишься. Он свернул на параллельную улицу, где ездить разрешалось лишь тем, кто там работал: Срежем здесь дорогу, и не забудь, если полиция спросит, почему ушли с магистрали, скажем, что нам тут надо уладить одно

дельце на фабрике, прежде чем въехать в город. Марсал Гашо глубоко вздохнул: когда на шоссе не протолкнуться от машин, тесть всегда рано или поздно пускается в объезд. И тут главное — чтобы не отвлекся и свернул вовремя. По счастью, их еще ни разу не останавливала полиция, хотя страху бывало много. Когда-нибудь, думал Марсал, все-таки придется сказать, что я ему не мальчишка сопливый, чтоб каждый раз напоминать мне, что именно я должен отвечать полиции. Ни зять, ни тесть не ведали, что дорожная полиция относилась к ним так терпимо или добро- и равнодушно именно благодаря форменной куртке охранника Центра, а вовсе не потому, что им столь долго благоволила судьба или помогала вереница случайных удач, как, скорей всего, ответил бы он, будучи спрошен, почему же их до сих пор не оштрафовали. Знал бы это Марсал Гашо, наверно, покичился бы перед тестем весомостью власти, которой бывал облечен, когда облачался в свой, с позволения сказать, мундир. Знал бы это Сиприано Алгор, наверно, в разговорах с зятем умерил бы свой насмешливо-снисходительный тон. В очередной раз подтвердилась непреложная правота истины — если бы молодость знала, если бы старость могла. После Промышленного Пояса начинается наконец город, ну, то есть еще не сам город, который, будто ласковым прикосновением тронутый первым розоватым лучом солнца, еще только маячит вдалеке, а здесь пока что тянутся в полнейшем беспорядке нагромождения лачуг, сложенных из чего попало и чаще всего — из всякой дряни в количестве достаточном, чтобы защитить от стихий — главным образом, от холода и дождя — своих полубесприютных обитателей. Жуткое место, по мнению горожан. Время от времени, во имя классической аксиомы «законы пишет необходимость», какой-нибудь груженный продовольствием фургон подвергается налету и опустошается

скорее, чем об этом можно рассказать. Редкой эффективности оперативный метод был выработан и усовершенствован в ходе добросовестных коллективных размышлений над результатами первых попыток, которые проваливались, как очень быстро выяснилось, из-за полного отсутствия стратегического замысла, из-за безнадежно устарелых тактических ходов, и, наконец, из-за скверной и безалаберной координации сил и средств, чаще всего действовавших врозь и наобум. По ночам транспорт шел почти непрерывным потоком, и потому первоначальная идея, состоявшая в том, чтобы, перекрыв шоссе, задержать и ограбить грузовик, быстро доказала полную свою несостоятельность, и нападавшие попадались в собственную ловушку, ибо следом идущие грузовики немедленно — не медленно, а очень быстро — приходили на выручку жертве. Решение проблемы — поистине гениальное, как вполголоса признавали сами же полицейские власти, — состояло в следующем: нападавшие разделились на две группы и начали ставить не один кордон, а два, и покуда первая, тактическая, группа перекрывала дорогу сразу же после проезда одиночного грузовика, вторая, стратегическая, действуя метрах в ста впереди, немедленно по получении светового сигнала столь же проворно перекрывала шоссе с другой стороны, так что одиночке, самой судьбой обреченному, ничего не оставалось, как затормозить и сдаться на милость грабителей. Встречную полосу магистрали и перекрывать не надо, потому что водители, увидев, что творится впереди, сами брали на себя труд остановиться. Третья группа — быстрого реагирования — занималась тем, что забрасывала градом булыжников смельчака, пытающегося из солидарности прорваться на помощь. Дорогу блокировали огромными камнями, принесенными на носилках, а потом, клянясь и божась, что не имеют никакого отноше-

ния к происходящему, сами же отгаскивали на обочину. Об этих людях идет дурная слава у нас в квартале, а мы-то тут ни при чем, приговаривали они, а водители грузовиков, мечтая лишь поскорее добраться до Центра, отвечали: Ладно-ладно. Подобного рода дорожные неприятности обходили стороной пикап Сиприано и Марсала. До сих пор, по крайней мере. Но поскольку у бедняков в ходу главным образом глиняная посуда и она же чаще всего бьется, не стоит зарекаться, что однажды обитательница одного из барачков не скажет мужу: Ни одной целой тарелки не осталось, а муж, без сомнения, ответит: Ладно, достану, тут временами проезжает машина с надписью на борту «Керамика», быть не может, чтобы там не было мисок. И горшков, добавит жена, пользуясь благоприятным моментом. Если не забуду, скажет муж, и горшков тебе добуду.

Между россыпью лачуг и первыми городскими домами, как ничейная земля, как нейтральная полоса, разделяющая противников, пролегло обширное пустое пространство, однако если приглядеться повнимательней, можно заметить на земле густую сетку следов, оставленных бульдозерами, ибо довести почву до такой прилизанной гладкости могут лишь эти механические лопаты, эти беспощадные изогнутые лезвия, которые без жалости и сострадания соскребают, сгребают и отодвигают неведомо куда все, что попадетсЯ, — старый ли дом, юный ли корень, стену ли, сулившую защиту, навеки ли сгинувшее тенистое место. И в точности как в жизни, когда мы, сочтя, что все убрали подальше, замечаем, что кое-что все-таки осталось, остались и на этом пустыре разъятые частицы прежнего бытия, испакощенное тряпье, отбросы и отходы, ржавая жесь, гнилое дерево, пластик, мотаемый туда-сюда ветром, и понимаем, что эту территорию некогда занимали кварталы лачуг. Скоро уж цепью

наступающей пехоты придвинутся сюда городские дома, закрепятся на этом рубеже, оставив меж своим авангардом и первыми хибарками лишь узкий зазор, новую ничейную землю, и так будет, пока не придет время третьей фазы.

Магистраль, куда вернулся наш пикап, теперь расширилась и обзавелась полосой движения, выделенной исключительно для большегрузных машин, и хотя автомобиль Сиприано Алгора лишь в чем-то извращенном воображении может быть причислен к этой высшей категории, однако в силу того бесспорного обстоятельства, что и он перевозит грузы, его водитель получает право чувствовать себя на равных с этими медлительными мастодонтами — рычащими, ревущими, извергающими из выхлопных труб удушливый дым — и стремительно обходить их извилистым маневром, от которого брякает и погромыхивает гончарный товар. Маршал Гашо снова взглянул на часы и вздохнул. Успеваем. Они уже на окраине города, теперь надо прокрутиться по лабиринту скольких-то улиц, свернуть направо, свернуть налево, еще раз направо, снова налево, снова направо, еще раз направо, налево-направо-налево, дальше прямо — и наконец оказаться у въезда на площадь, где окончатся все трудности и прямой как стрела проспект приведет их к цели, туда, где заступит на дежурство Маршал Гашо и оставит свой груз Сиприано Алгор. В глубине проспекта темная стена, возносясь много выше самых высоких зданий, окаймляющих его, внезапно загораживает путь. На самом деле — не загораживает, это оптический обман, улицы с обеих сторон обтекают стену и тянутся вдоль нее, вдоль фасада исполинского дома, огромного здания квадратной формы, без единого окна на всем его неимоверном пространстве. Добрались, сказал Сиприано Алгор, и, как видишь, успели, у тебя еще десять минут в за-

пасе. Вы ведь не хуже меня знаете, что, если опоздаю, меня могут вычеркнуть из списка тех, кого переводят во внутреннюю охрану. Вряд ли твоя жена очень уж обрадуется, если ты в нем останешься. Нам всем лучше жить будет, сплошные выгоды и преимущества. Сиприано Алгор затормозил на углу и как будто собирался что-то ответить зятю, но вместо этого спросил: Почему сносят эти дома. А, и впрямь. И впрямь уже несколько недель назад начали говорить, что Центр будет расширяться, ответил Марсал Гашо и вылез из машины. Перед ними была дверь, а на двери табличка «Вход только для сотрудников службы безопасности». Ну, может быть, сказал Сиприано Алгор. Не может быть, а точно, доказательство налицо, уже начался снос. Да я не про это, а про то, что лучше жить будем, о выгодах уж я не говорю, нам и так жаловаться не на что, мы не из самых обездоленных. Уважаю ваше мнение, но остаюсь при своем и уверен, что Марта в свой срок согласится со мной. Он сделал два шага и остановился, явно подумав, что нехорошо так прощаться с тестем, привезшим его на работу, и сказал: Спасибо, счастливо добраться до дому. Значит, через десять дней, уточнил гончар. Через десять дней, подтвердил охранник, одновременно кивнув приближающемуся сослуживцу. Они вошли вместе, и дверь закрылась за ними.

Сиприано Алгор включил зажигание, но тронулся не сразу. Он смотрел на дома, подлежащие сносу. На этот раз — должно быть, из-за невысокой этажности — взрывать не станут, а ведь этот современный, скоростной и эффективный метод способен за три секунды превратить основательную и продуманную конструкцию в груды бесформенных обломков. Как и следовало ожидать, улица, под прямым углом отходящая от той, где он стоит, закрыта для движения. И чтобы доставить груз, гончару придется

объехать обреченный на снос квартал и двинуться дальше, дверь же, в которую ему надлежит постучаться, находится на самом дальнем углу, а по отношению к точке, где он находится сейчас, на другом конце той воображаемой прямой, что по диагонали пронизала бы здание, куда зашел Марсал Гашо. Наискось, про себя уточнил гончар, сокращая объяснения. Когда через десять дней он придет забирать зятя, здесь не останется и следа этих домов, и осядет пыль, что сейчас висит в воздухе, и, может быть, уже выроют огромный котлован под фундамент нового здания. Потом поднимутся три стены, и одна будет граничить с той улицей, по которой придется сегодня Сиприано Алгору колесить в объезд, а две другие с обеих сторон замкнут пространство, отвоеванное у снесенного квартала, и скроют покуда еще видный фасад, а вход для сотрудников службы безопасности переедет в другое место, еще чуть-чуть — и даже самый пронизательный человек не сможет определить, глядя снаружи, и еще меньше — зайдя внутрь, где постройка нынешняя и где предыдущая. Еще рано, сообщает гончар, посмотрев на часы, каждый раз, когда он привозит зятя, приходится два часа ждать, когда откроется пункт приема, а потом еще — когда придет очередь сдавать товар. Но зато так я окажусь в начале этой самой очереди, а может, и вообще первым, подумал он. Никогда еще, впрочем, этого не было, неизменно найдется еще более ранняя пташка, а скорей всего, передние прибыли еще затемно и переночевали в кабинах своих грузовиков. Вылезли наружу на рассвете, чтобы выпить кофе с куском хлеба или даже глоток водки, столь уместный в промозглой утренней сырости, потом за десять минут до того, как откроются ворота, завели разговоры, и самые молодые, беспокойные, как подобает новичкам, бросятся по спуску вниз, чтобы занять свои места в кабинах, а те, которые постарше,

особенно если они из конца очереди, спустятся степенно, высасывая последний дымок из сигареты, потому что внизу, под землей, при работающих двигателях не покуришь — запрещено. Чего бежать сломя голову, рассуждают они, небось еще не конец света.

Сиприано Алгор двинулся вперед. Он отвлекся на снесенные дома и теперь хотел наверстать упущенное время, хотя нет на свете слов глупее и выражения нелепей, ибо они тщатся опровергнуть суровую истину, гласящую, что никакое время наверстать невозможно, поскольку тогда пришлось бы предположить, что время, которое мы сочли потерянным навсегда, вовсе не пропало, а попросту решило остаться где-то позади и с терпеливостью, свойственной лишь тем, кому торопиться некуда, остаться, сказали мы, и обождать, когда же мы хватимся его. Подхлестываемый спешкой, порожденной мыслями о пришедшем первым и о пришедшем после, гончар быстро обогнул квартал и свернул налево, на улицу, упиравшуюся в боковой фасад здания. По неизменному обыкновению там уже стояли люди, ожидая, когда откроются двери, предназначенные для обычной публики. Сиприано Алгор проехал по левой полосе к съезду, ведущему вниз, на подземный этаж, предъявил вахтеру документ и встал в очередь за грузовиком с ящиками в кузове, в которых, судя по обозначениям, было что-то стеклянное. Потом вылез из кабины глянуть, много ли перед ним народу, и, соответственно, понять, долго ли придется ждать. Он оказался тринадцатым. Пересчитал еще раз — ошибки не было. Гончар был не то чтобы суеверен, но попробуй-ка не брать в расчет скверную репутацию этого числа, ибо едва лишь зайдет речь об этом, о судьбе и о приметах, кто-нибудь непременно расскажет, как на собственной шкуре познал пагубное, а порой и трагическое его воздействие. Сиприано Алгор стал

припоминать, случалось ли уже с ним такое в этой очереди, но — одно из двух — либо не случалось, либо позабылось. Он пробурчал себе под нос себе же адресованный упрек — что за чушь, что за вздор тревожиться о несуществующем, а ведь и в самом деле никогда прежде не приходило ему в голову, что чисел в природе не существует, что явлениям и предметам безразлично, какой номерок мы им прилепим — тринадцатый или сорок четвертый, из чего напрашивается вывод, что они как минимум не в курсе, на каком по счету месте довелось им оказаться. Но люди — не предметы и не явления, людям непременно надобно пролезть вперед, подумал гончар. Им мало оказаться на первых местах, им нужно, чтобы все это заметили и все об этом говорили. Если не считать двоих охранников на входе и выходе, обширное пространство подземелья было безлюдно. Дело обычное: водители занимали очередь и поднимались наверх, в кафе. Черта с два буду я торчать здесь, вслух произнес Сиприано Алгор. И задним ходом вывел свой пикап из вереницы машин, как если бы ему нечего было разгружать. Вот я и не тринадцатый, подумал он. Через несколько мгновений по пандусу съехал грузовик и занял освободившееся место. Водитель вылез из кабины и взглянул на часы, подумав, наверно: Успею. Когда же он скрылся наверху, гончар проворно пристроился ему в хвост и, довольный своей находчивостью, сказал: Вот я и четырнадцатый. Откинулся на спинку сиденья, вздохнул, слыша у себя над головой гул машин. Прежде он тоже поднимался вместе с другими, выходил наружу, пил кофе, покупал газетку, но сегодня почему-то не хотелось. Закрыв глаза, словно прячась внутри самого себя, и тотчас же погрузился в сон, зять сказал, что, когда получит повышение, житье настанет совсем другое — небо и земля по сравнению с прошлым, — они с Мартой съедут от гон-

чара, своим домом заживут, да и давно пора: Ты пойми, чему быть, гласит пословица, того не миновать, мир не остановится, и уж если тот, от кого это зависит, тебя, прости за рифму, повысит, ты должен вздеть руки и поблагодарить, и глупо отворачиваться от удачи, когда она становится на нашу сторону, и я уверен, больше всего на свете ты хочешь счастья своей дочери, а потому радоваться бы надо. Сиприано Алгор слушал голос зятя и улыбался во сне: Ты все это говоришь потому, что думаешь, я тринадцатый, а того не знаешь, что я теперь четырнадцатый. Его разбудило хлопанье дверей, возвещавшее начало разгрузки. И, еще не вполне проснувшись, он подумал: Я не сменил номер, я тринадцатый, который оказался на месте четырнадцатого.

Именно так и было. Чуть ли не через час настал его черед. Он вылез из кабины и, как всегда, подошел к стойке приемщика с бумагами, в числе которых были три экземпляра накладной, счет-фактура на прошлые поставки, обязательный для каждой партии товара сертификат качества, за которое мастерская брала ответственность, равно как и за дефекты, буде таковые выявятся, еще одно обязательное свидетельство, в котором поставщик заявлял, что не имеет коммерческих отношений ни с каким иным торговым предприятием, за исключением нижепоименованных, и предупрежден об ответственности за нарушение этого пункта договора. Как всегда, появился грузчик, готовый помочь, и тут заместитель начальника отдела приемки, окликнув его, приказал: Разгрузайте половину товара. Сиприано Алгор в тревоге и недоумении осведомился: Почему половину? В последние недели продажи упали, как бы не пришлось вернуть и то, что у нас на складе. Вернуть. Ну да, такой пункт предусмотрен в нашем контракте. Да знаю, что предусмотрен, но ведь там указано, что я не имею права предлагать

свою продукцию другим клиентам, так, может, скажете, куда мне девать половину товара. Не скажу, я всего лишь исполняю указания руководства. А я могу с ним поговорить. Да нет, не стоит даже и пробовать, оно с вами и разговаривать не станет. Руки у Сиприано Алгора задрожали, он в растерянности оглянулся, ища, у кого бы найти содействие, но лица троих водителей, стоявших за ним, были безучастны. Он все же попытался воззвать к классовой солидарности: Что ж это делается, человек привез плоды своего труда, накопил глины, вымесил, изготовил, что заказали, обжег в печи, а теперь берут только половину, где же справедливость, а водители переглянулись, пожали плечами, не зная, стоит ли отвечать, а если стоит, то кому взять это на себя, а один даже вытащил сигарету, показывая, что в обсуждении участвовать не намерен, но тотчас вспомнил, что курить здесь запрещено, и потому отвернулся, полез от греха подальше в кабину. Гончар понял, что, если продолжит протестовать, может лишиться и остального, и решил малость остудить им же вскипяченную воду, ибо половина в любом случае лучше, чем ничего, и все как-нибудь само уладится. И покорно обратился к конторщику с таким вопросом: А скажите, с чего же это продажи упали. Думаю, с того, что стали выпускать пластмассовую посуду под керамику, и так ловко подделывают, что кажется настоящей, но при этом весит меньше и стоит дешевле. Разве же это причина отказываться от моей, моя-то — и настоящая, и натуральная. Вот и попробуйте это клиентам втолковать, огорчать вас не хочется, но боюсь, скоро керамику будут покупать только коллекционеры, да и то. Подсчет был завершен, и заместитель написал в накладной: Принято столько-то — и сказал: Больше пока привозить не надо, мы сообщим, когда понадобится новая партия. Но как, по-вашему, мне дальше-то — работать, нет. Это уж вам

решать, не возьму на себя ответственность советовать. А возврат-то, неужто вернете мне то, что у вас на складе, и самые слова его задрожали от такой горечи и отчаяния, что заместитель сказал примирительно: Видно будет. Гончар влез в кабину и рванул с места так резко, что несколько ящиков, ерзавших в полупустом пикапе, сдвинулись и сильно ударились о задний борт. Снявши голову, по волосам не плачут, с досадой воскликнул Сиприано Алгор. Перед пандусом, ведущим к выходу, ему пришлось остановиться, ибо по правилам надо было предъявить пропуск и этому охраннику тоже, черт их разберет с их бюрократией, в принципе-то, поставщик въехал, поставщик и выедет, однако же, как видим, бывают и исключения, взять хотя бы нашего Сиприано Алгора, который въезжал сюда в одном качестве, а выезжает после всего услышанного, похоже, совсем в другом. Чего другого и ждать от цифры тринадцать, фокусами с переменной мест судьбу не обманешь. По длинному пандусу пикап выбрался на белый свет, ничего не остается теперь, как возвращаться домой. Гончар улыбнулся невесело: Не в тринадцати дело, нет никакого тринадцатого, стоял бы я в хвосте первым, приговор был бы таким же, все равно бы сказали — сейчас возьмем половину, дальше видно будет, что за жизнь, мать ее.

А женщина из лачуги — та, которой нужны были новые миски и горшки — спросила мужа: Ну что, видел машину с посудой, а муж ответил: Видел и даже остановил, но потом отпустил. Почему. Поглядела бы ты на водителя, сделала бы то же самое.

Сиприано Алгор затормозил, опустил стекла с обеих сторон и принялся ждать, когда его ограбят. Не так уж редко бывает, что от ударов судьбы мы падаем духом — и так низко, что становимся жертвой столь же или даже еще более драматических решений. Приходит минута, когда оскорбленный, подавленный неудачей человек вдруг слышит голос: Да пропади оно все пропадом — и тогда в соответствии с особенностями места и времени либо выбрасывает последние деньги на покупку лотерейного билета, либо швыряет на игорный стол по наследству доставшиеся отцовские часы и серебряный портсигар, подаренный некогда матерью, и ставит на красное, хоть и видел, что оно выигрывало пять раз подряд, либо в одиночку выскакивает из окопа и, уставя штык, бежит на вражеский пулемет, или вот останавливает свой пикап, опускает в нем стекла, потом открывает в кабине двери и ждет, когда же со всегдашними дубинками, неизменными ножами и меняющимися от случая к случаю надобностями придут его грабить люди из лачуг: Если те не захотели, пусть хоть эти возьмут, такова была последняя мысль Сиприано Алгора. Минуло десять минут, но никто не явился совершить вожденный ему грабеж, потом прошло четверть часа — но даже собака не выбралась с обочины и не задрала заднюю ногу на колесо, не

обнюхала пикап, и лишь после того, как и полчаса канули в никуда, возник наконец человек вида столь же неприятного, сколь и неопрятного, и спросил у гончара: Проблемы, помочь, могу подтолкнуть, аккумулятор, наверно, сел. Ну, что говорить, если даже у самых крепких духом случаются моменты неборимой слабости, когда тело не в состоянии сохранить стойкость, которой долгие годы учил его этот самый дух, стоит ли удивляться, что предложение помочь, к тому же исходящее от человека с наружностью бандита, затронуло самые сокровенные струны в душе Сиприано Алгора, да так затронуло, что из угла глаза выкатилась слеза: Нет, спасибо большое, сказал он, но в следующий миг, когда милосердный кириянин¹ уже шел прочь, выскочил из кабины, подбежал к задней двери, открыл ее, крича при этом: Эй, дядя, поди-ка сюда.

Тот остановился: Чего, передумал, помочь все же. Да нет, не в том дело. А в чем. Подойди сюда, будь любезен, настаивал Сиприано Алгор и, когда просьбу его уважили, сказал: Возьми-ка полдюжины мисок, жене снесешь в подарок, и этих вот суповых полдюжины тоже, держи. Да за что же, я же ничем тебе не помог, впал тот в недоумение. Какая разница, считай, что помог, а если нужен кувшин для воды, бери и кувшин. Вот кувшин мне и вправду нужен. Ну и забирай, тащи-тащи. Гончар составил миски горкой, мелкие вниз, глубокие сверху и водрузил их на левую руку встречного, согнутую и прижатую к груди, а поскольку с пальца правой уже свисал у того кувшин, не нашел благодетельствованный ничего лучше банального «спасибо» и учтивого наклона головы, который на удивление плохо вязался с его соци-

¹ Евангельский персонаж Симон Кириянин помог Иисусу нести крест на Голгофу.

альным статусом, и значит это, что несравненно лучше мы понимали бы житейские сложности, будь наше усидчивое усердие употреблено на постижение противоречивости явлений, а не на их тождественность и связь, ибо те обязаны объясняться сами собой.

Человек, который выглядел как разбойник, но таковым не оказался — то ли вообще, то ли в этот раз не захотел им быть, — в растерянности скрылся меж лачуг, а Сиприано Алгор поехал дальше. Совершенно очевидно, что даже самое острое зрение не в силах заметить, как изменилось давление на шины и рессоры после исчезновения части груза, ибо в смысле веса двенадцать глиняных тарелок и один кувшин столь же мало значат для автомобиля, пусть и среднего, как для счастливой невесты — лепесток красной розы, затесавшийся среди двенадцати лепестков белой. Слово «счастливый» появилось тут не случайно, ибо, глядя сейчас на выражение лица Сиприано Алгора, совершенно невозможно поверить, будто у него купили только половину товара, привезенного в Центр. Впрочем, воспоминание о нестерпимом коммерческом поражении воротилось к нему, когда через два километра он въехал в Индустриальный Пояс. И при виде отвратительного леса фабричных труб, блюющих ядовитым дымом, спросил себя, на какой же именно из этих поганых фабрик выпускают пластмассовую мерзость, подло притворяющуюся керамикой. Да это же невозможно, бормотал он про себя, они разные и по звуку, и по весу, а ведь есть еще связь между тем, что видят глаза, и тем, что осязают пальцы, я читал, не помню где, что можно видеть пальцами, ощупывающими глину, и более того — можно, не прикасаясь к ней, чувствовать все, что видят глаза. И, будто мало он еще намучился, спросил себя Сиприано Алгор, вспомнив свою старую печь для обжига, сколько же мисок, плошек, кувшинов,

горшков и прочего способны выпустить в минуту эти проклятущие станки. Под воздействием этих и иных, неупомянутых, вопросов снова омрачилось чело гончара, и весь дальнейший путь прошел в беспрестанных тягостных думах о трудном будущем, ожидающем его семью, если Центр сохранит новую свою политику, первой жертвой которой пал он, Сиприано Алгор. Но воздадим гончару честь и хвалу, припомнив, что не позволил он духу своему хоть на миг смутиться раскаянием и сожалением, и — за щедрость, проявленную по отношению к человеку, который, если правда все, что говорят про обитателей этих лачуг, должен был бы его ограбить. На кромке этого самого Пояса имеются несколько мастерских, бог весть как сохранившихся в пространстве остервенелого потребления и чудовищного многообразия продукции, выпускаемой современными гигантами индустрии, однако они все же как-то выжили и неизменно проливали бальзам на душу Сиприано Алгора, когда он поглядывал на них из окна кабины, перебарывая беспокойство за будущность своей профессии. Однако осталось им недолго, подумал он сейчас, имея в виду не перспективы гончарного ремесла, а эти мастерские, а такой оборот приняли его мысли исключительно оттого, что он не дал себе труда вдуматься как следует, и подобное происходит сплошь и рядом, и даже считаем возможным утверждать, что не стоит ожидать верных умозаключений по той простой причине, что на середине пути, который нас к этим выводам непременно вывел бы, — мы останавливаемся.

Сиприано Алгор поторопился проехать Зеленый Пояс и ни разу не взглянул на поля, ибо протяженное однообразие пластиковых конструкций, уныло-бурых от природы, а еще больше — от грязи, наводило на него тоску всегда, и нетрудно себе представить, как подействовало бы оно на него сегодня, при нынешнем его состоянии

Сарамаго Ж.

С 20 Пещера : роман / Жозе Сарамаго ; пер. с порт. А. Богдановского. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 352 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-17374-3

Жозе Сарамаго — один из крупнейших писателей современной Португалии, лауреат Нобелевской премии по литературе 1998 года, автор скандально знаменитого «Евангелия от Иисуса». «Пещера» — последний из его романов, до сих пор оставшийся не переведенным на русский язык.

Сиприано Алгору шестьдесят четыре года, по профессии он гончар. Живет он вместе с дочерью Мартой и ее мужем по имени Марсал, который работает охранником в исполинской торговой организации, известной как Центр. Когда Центр отказывается покупать у Сиприано его миски и горшки, тот решает заняться изготовлением глиняных кукол — и вдруг департамент закупок Центра заказывает ему огромную партию кукол, по двести единиц каждой модели. А затем Марсала переводят из внешней охраны во внутреннюю — и все семейство переселяется в Центр. Но однажды ночью Сиприано слышит шум таинственных механизмов, как будто доносящийся из-под земли, и решает во что бы то ни стало найти разгадку...

УДК 821.134.3
ББК 84(4Пор)-44

Литературно-художественное издание

ЖОЗЕ САРАМАГО

ПЕЩЕРА

Ответственный редактор Александр Гузман

Редактор Лея Любомирская

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Татьяна Раткевич

Корректоры Елена Шнитникова, Елена Терскова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.11.2019. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 15,5. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-VAK-25901-01-R